

Рохлина Татьяна Александровна

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА ВСЛЕДСТВИЕ НАРУШЕНИЯ КОРЕФЕРЕНЦИИ ИМЕН В НЕМЕЦКОМ ПРОЗАИЧЕСКОМ ШВАНКЕ

В данной статье референция представлена как одна из основных текстовых категорий, позволяющих интерпретировать дискурс, в том числе комический. Приводятся основные положения теории референции и точки зрения отечественных и зарубежных исследователей на проблемы референции. Особое внимание уделяется взглядам на референцию в германистике. Подчеркивается важность кореференции имен для осуществления успешного коммуникативного акта, а ее нарушение рассматривается как причина коммуникативной неудачи и возникновения комического эффекта применительно к немецкому прозаическому шванку как примеру комического дискурса.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2014/7-1/50.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2014. № 7 (37): в 2-х ч. Ч. I. С. 172-176. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2014/7-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_phil@gramota.net

устроила забастовку). ← *Kleider machen Leute* (букв. Одежда делает человека. ≈ По одежке встречают). «*Erst die Arbeit, dann das Vergnügen*», sagte der Ehemann und ging bis zum Fernsehkrimi mit seiner Frau ins Bett («Делу время, потехе час», сказал муж и отправился с женой в кровать, пока не начался детективный сериал). ← *Erst die Arbeit, dann das Vergnügen* (Делу время, потехе час). Комический эффект в данном случае обусловливается специфическим характером несоответствия между значением выражения и тем применением, которое оно приобретает в контексте [4, с. 13].

При создании некоторых антипословиц используется комбинация нескольких приемов: *Nicht jeder ist seines Kindes Schmied* (букв. Не каждый – кузнец своего ребенка). ← *Jeder ist seines Glückes Schmied* (Всяк сам своего счастья кузнец). В данном примере наблюдается субституция на лексическом уровне (Glück → Kind) и добавление отрицательной частицы *nicht*, что придает высказыванию своеобразную иронию.

Изучение и понимание юмора другого народа требует не только лингвистических знаний, но и предполагает наличие определенной лингвострановедческой эрудиции. При этом анекдоты, каламбуры и разного рода шутки являются важнейшим источником информации об истории, особенностях быта, национальном характере, нравственных ценностях и т.п. На основе того, над чем смеются представители той или иной нации, можно делать определенные выводы о том, что для них важно, ценно или, наоборот, неприемлемо.

Список литературы

1. Билан О. А. Анекдот как отражение стереотипных представлений // Альманах современной науки и образования. Тамбов: Грамота, 2013. № 6 (73). С. 26-29.
2. Казакова Д. В. Теории вербального юмора в современной зарубежной лингвистике // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2013. № 8 (26): в 2-х ч. Ч. II. С. 77-80.
3. Поликарпов А. М. Прагматика немецкого анекдота // *Deutsch kreativ*. 2007. № 1. С. 7-10.
4. Щурина Ю. В. Шутка как речевой жанр: автореф. дисс. ... к. филол. н. Вел. Новгород, 1997. 24 с.
5. Это просто смешно! или Зеркало кривого королевства. Анекдоты: системный анализ, синтез, классификация / автор вст. статьи и сост. Л. А. Барский. М.: Х.Г.С., 1994. 303 с.
6. <http://www.beeperworld.de/members19/vietmeier/sp-woerter.htm> (дата обращения: 09.05.2014).
7. Mieder W. Antisprichwörter. Wiesbaden: Verlag für deutsche Sprache, 1983. Bd. 1. 235 S.
8. www.witzdestages.net (дата обращения: 09.05.2014).

GERMAN HUMOUR: LINGUISTIC AND CULTUROLOGICAL ASPECTS

Romanova Elena Viktorovna, Ph. D. in Philology
Mari State University
romanowaud@yandex.ru

The article reveals the linguistic and culturological peculiarities of German humour by the example of such comic genres as anecdote and parodied proverbs (anti-proverbs). The author pays main attention to the analysis of those structural, stylistic and semantic characteristics of the considered texts which condition their national/linguistic originality and complicate the adequate interpretation.

Key words and phrases: humour; comic; anecdote; precedent text; linguistic game; anti-proverbs; Wellerisms.

УДК 811.11-112

Филологические науки

В данной статье референция представлена как одна из основных текстовых категорий, позволяющих интерпретировать дискурс, в том числе комический. Приводятся основные положения теории референции и точки зрения отечественных и зарубежных исследователей на проблемы референции. Особое внимание уделяется взглядам на референцию в германистике. Подчеркивается важность кореференции имен для осуществления успешного коммуникативного акта, а ее нарушение рассматривается как причина коммуникативной неудачи и возникновения комического эффекта применительно к немецкому прозаическому шванку как примеру комического дискурса.

Ключевые слова и фразы: грамматика текста; текстовые категории; референция; кореференция имен; комический дискурс; шванк.

Рохлина Татьяна Александровна

Московский государственный лингвистический университет
t_rokhlina@mail.ru

ВОЗНИКНОВЕНИЕ КОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА ВСЛЕДСТВИЕ НАРУШЕНИЯ КОРЕФЕРЕНЦИИ ИМЕН В НЕМЕЦКОМ ПРОЗАИЧЕСКОМ ШВАНКЕ[©]

Рассматривая структуру художественного текста с позиций когнитивно-дискурсивной парадигмы, необходимо принимать во внимание проблему представления знаний человеком: с какой целью и в какой форме

происходит их передача. В соответствии с этим актуальным представляется проблема изучения категорий, идентифицирующих объекты окружающего мира. Одной из таких категорий является референция.

Данная категория играет важную роль в интерпретации комического дискурса, поскольку она позволяет определить круг тем и проблем, входящих в область смешного, способствует установлению объектов действительности и их свойств, представляющих интерес с точки зрения комического.

Истоки теории референции восходят к Античности, когда философов интересовал вопрос об отношении между вещами и словами. Проблема референции соприкасается со многими традиционными философскими вопросами (тождество, индивидуализация, априорное и апостериорное и др.) Интерес лингвистов к референции проявился в связи с появлением работ Г. Фреге («Значение и смысл»), теории дескрипций философа-логика Б. Рассела и усилился в связи с лингвистическим поворотом в философии.

Первоначально в рамках теории референции рассматривали проблемы семантики, описывая при этом, каким образом соотносятся лингвистический объект и референт – объект действительности (Г. Фреге, Б. Рассел, У. Куайн), приписывая, таким образом, референции статус категории чисто языковой системы.

С критики П. Ф. Стросоном теории дескрипций Б. Рассела началась прагматизация теории референции, где ей отводится место среди категорий речи (а не языка) [2, с. 11-12].

В современной науке под референцией понимают «отнесенность актуализованных (включенных в речь) имен, именных выражений (именных групп) или их эквивалентов к объектам действительности (референтам, денотатам)» [Там же, с. 6].

Н. Д. Арутюнова, рассматривая референцию с прагматических позиций, выделяет следующие ее виды, которые различаются по их отношению к фонду знаний собеседников:

- 1) идентифицирующая референция, при которой предмет известен как говорящему, так и адресату;
- 2) референция, при которой предмет известен только говорящему;
- 3) референция, при которой предмет не входит в фонд знаний собеседников [Там же, с. 20-31].

Обмен информацией не является чисто вербальным процессом, поскольку в коммуникации важную роль играет человеческий фактор, следовательно, присутствуют этнопсихологический и социальный аспекты, непосредственно не связанные с вербальной составляющей речевых актов. Для достижения взаимопонимания коммуниканты должны иметь общий набор пресуппозиций, которые понимаются и как «коммуникативно нерелевантные» компоненты значения предложения или слова, обеспечивающие верное соотношение слова с денотатом, так и «представление говорящего о степени осведомленности адресата речи» [3, с. 89]. Если не учитывать нюансы, возникающие в восприятии явлений и процессов, они могут привести к искажению смысла высказывания и вследствие этого – к коммуникативной неудаче [1, с. 54-57], под которой понимается «сбой в общении, при котором определенные речевые произведения не выполняют своего предназначения» [4, с. 23].

О. И. Москальская рассматривает понятие текстового референта, появившееся в связи с применением теории референции к тексту, и связанные с ним процессы введения референта в текст и сигналы кореференции. Под кореференцией понимается тождество референции слов, то есть «соотнесение данных слов (имен нарицательных и собственных, а также замещающих их местоимений) на протяжении сверхфразового единства с одним и тем же предметом» [5, с. 20]. В качестве обозначения референта исследователь рассматривает имена существительные и личные местоимения в качестве их заместителей [Там же, с. 106].

Введение текстового референта происходит посредством неопределенного артикля, в дальнейшем он сопровождается определенным артиклем или замещается местоимением, которые обозначаются в качестве сигналов кореференции [Там же], однако идентификация текстового референта возможна во вводном предложении в том случае, если референт назван именем собственным или если знание о нем входит в «общий культурный фонд знаний» адресата [Там же, с. 108].

Явление референции получило освещение в работах немецких исследователей (В. Дресслер, Г. Вайнрих, Г. Фатер, С. Шмидт, К. Браунмюллер и др.). Широкое понимание референции представлено в работах Г. Фатера, который утверждает, что референция может осуществляться не только к предметам (включая людей) и абстрактным процессам, выраженным именными группами, но также и к состояниям, деятельности, качествам, а следовательно, референтным потенциалом обладают глагольные группы и группы с именами прилагательными [10, S. 11]. В своей работе Г. Фатер придерживается определения кореференции, данное Т. Трейном, который понимает под кореференцией референцию нескольких языковых выражений к одному и тому же внеязыковому (точнее, внетекстовому) объекту – референту [9, p. 10].

Важность однозначности восприятия референта подчеркивает также К. Браунмюллер, утверждая, что она оказывает решающее значение для успешного акта коммуникации [6, S. 56].

В рамках данной статьи мы рассматриваем референцию имен и механизмы нарушения их кореференции как средство создания комического эффекта в немецком шванке, поскольку основным средством именованного референта в текстах исследуемого жанра является имя существительное.

Чаще всего, комический эффект возникает в середине или концовке произведения, в тех композиционных элементах текста, для которых характерна идентифицирующая референция. Данный вид референции осуществляется посредством имени существительного, местоимения или именной группы с определенным артиклем или указательным местоимением, которые являются сигналами кореференции и указывают на то, что о данном объекте сообщалось ранее в тексте.

(1) *«Etwa ein Jahr darauf traf der Doktor zufällig die Frau, grüßte sie und lächelte. Das trieb er zum wiederholten Male, so dass die Frau annahm, dass es nicht mit rechten Dingen zugegangen war, wie man so sagt»* [7, S. 138]. / *«Примерно через год доктор случайно встретил ту женщину, поздоровался с ней и усмехнулся. Он сделал это не впервые, и женщина подумала, что здесь, как говорится, дело нечисто».*

Смех вызывает, прежде всего, неверная идентификация референта одним из собеседников, вызванная нарушением кореференции, которое, в свою очередь, основано на совпадении именовании для разных объектов действительности. Однако механизмы нарушения кореференции могут быть различными. Так, следует различать преднамеренное введение адресата в заблуждение или непреднамеренную коммуникативную неудачу.

1. **Преднамеренное введение адресата в заблуждение** заключается в том, что говорящий намеренно не сообщает адресату какие-то свойства предмета, известные ему. К. Браунмюллер называет данное явление непрозрачной референцией («undurchsichtiges Referieren») [6, S. 89]. Она находит выражение в тексте при помощи различных языковых средств.

Так, например, в данную группу можно отнести именование референта посредством метафоры:

(2) *«Das nahm die Jungfrau bald wahr und gab an, sie hätte alle Barschaft in einem Tisch, den sie auf hundert Gulden schätze. Als nun der Junge solches hörte, dass sie einen Tisch für hundert Gulden hätte, nahm er sie gleich zu der Ehe.*

Und zu einer Zeit kam er zu ihr in das Haus. Da aß sie eine Suppe, die hatte sie vor sich auf dem Schoß. Der gute Gesell fragte sie, wo sie den Tisch habe, da sie doch auf dem Schoße aße. „Ja“, sprach sie, „das ist der Tisch, worauf ich esse. Der ist hundert Gulden wert“» [7, S. 203]. / «Девушка это заметила и сказала, что все ее деньги – это стол, ценой в сто гульденов. Когда юноша услышал, что у нее есть стол за сто гульденов, он тотчас же взял ее в жены.

Как-то раз он пришел к ней в дом. Она ела суп, тарелку с которым держала на коленях. Юноша спросил, где же находится ее стол, если ей приходится обедать на коленях. „Да“, ответила девушка, „это и есть тот стол, за которым я обедаю. И он стоит сто гульденов“».

Девушка, желая произвести впечатление на жениха, заявляет, что имеет в качестве приданого стол («der Tisch») за сто гульденов, однако на самом деле она такого стола не имеет. Это становится понятным в концовке шванка, где существительное «der Tisch» употреблено по отношению к ее коленям, на которых она обедает.

С лексико-стилистических позиций комического эффект в приведенном примере строится на разнице в значениях (прямом и метафорическом) одного и того же существительного «der Tisch».

С позиций референции имеет место обращение к двум различным референтам, имеющим сходную характеристику («предназначенный для еды») и обозначенным одинаковыми именами. Имя референта, «der Tisch», служащее его идентификации, в реплике девушки не удовлетворяет объекту, обозначенному им. Восприятие референта молодым человеком движется от именованного предмета к его идентифицирующим признакам – «предмет мебели, предназначенный для еды». Употребляя существительное «der Tisch» по отношению к коленям, девушка исходит только из одного признака референта – она на них обедает, таким образом, намеренно скрывая от адресата свойства объекта («предмет мебели»), необходимые для его правильной идентификации.

Другим способом выражения намеренного введения адресата в заблуждение является представление нового референта в качестве известного. Данный вид референции реализуется в языке главным образом посредством употребления определенного артикля вместо неопределенного при сходстве имен существительных или при помощи прономинализации без предварительного именованного референта именем существительным или именной группой.

В шванке В. Шуманна «Von einem Bauern, drei Pfaffen und einem Landsknecht» / «Об одном крестьянине, трех священниках и ландскнехте» действие разворачивается вокруг трех священников, пришедших в гости к женщине с целью соблазнить ее, и которых она по совету мужа топит в бочке с водой. Чтобы избавиться от мертвецов, муж просит проходящего мимо ландскнехта сбросить одного из них в реку. После того, как просьба выполнена, мужчина, показав ландскнехту второго священника, обманывает его, говоря, что утопленник вернулся, так же он поступает и с третьим священником. После того, как ландскнехт сбросил в реку всех троих священников, ему на обратном пути встречается священник на лошади. Подумав, что мертвец вновь ожил, ландскнехт хватается за него и сбрасывает в реку вслед за остальными.

(3) *«Da fing der Bauer an und sprach: „Es ist ein Pfaffe (1) in mein Haus gekommen und hat mir mein Weib wollen notzwingen. So bin ich dazugekommen und habe ihn (1) gleich in das Faß geworfen, darin ist er (1) ertrunken.“ Damit zog er den einen (1) aus dem Faß. „Wenn du ihn (1) nun wolltest in das Wasser tragen, das die Mühle treibt.“... Also nahm er [der Landsknecht] den Pfaffen (1) auf den Rücken und lief mit ihm (1) zum Wasser, warf ihn (1) hinein, dass das Wasser über ihm (1) zusammenschlug und sprach: „...Willst du (1) buhlen und weiß den Reim nicht!“... Dieweil hatte der Bauer den anderen (2) aus dem Faß getan ... sprach der Bauer: „Hast du ihn (1) hineingeworfen?.. Er (1) ist aber wieder da.“ Der Landsknecht sprach: „Ei, er (1) ist des Teufels!“ – „Sieh zu, ob er (1) nicht hinter der Tür steht.“ Und als ihn (2) der Landsknecht sah, sprach er: „Ei nun, so schände dich (1, 2) Gott! Ich weiß, dass ich dich (1, 2) hab hineingeworfen.“...»*

Da lief ihm [dem Landsknecht] der Bauer entgegen und sprach: „Wie tust du doch? Es stehet der Pfaffe (1, 3) wieder hinter der Tür!“ Der Landsknecht sprach: „Hat uns der Teufel mit dem Pfaffen (1) beschissen? Nun, so will ich ihn (1, 3) hinaustragen...»

Als er [der Landsknecht] im Heimgehen war, da kam von ungefähr ein Pfaffe (4) geritten... Als ihn (4) der Landsknecht sah, meinte er, es wäre der Pfaffe, den er hatte sollen in das Wasser werfen (1). Er fing an zu fluchen und zu schwören: „Du (1, 4) heilloser Schelm und Bösewicht, kein Wunder, dass du (1, 4) allezeit eher in des Bauern Haus bist denn ich, weil du (1, 4) zu reiten hast“» [Ibidem, S. 256-258]. / «Тогда крестьянин заговорил: „В мой дом пришел священник (1) и захотел соблазнить мою жену. Вошел я и бросил его (1) в бочку с водой, там он (1) и утонул“. С этими словами он вытащил священника (1) из бочки. „Если бы ты сбросил его (1) в реку, где стоит мельница...“ Он [ландскнехт] взвалил священника (1) на спину и побежал с ним (1) к реке, сбросил его (1) туда, так, что вода поглотила его (1), и произнес: „... Ты (1) захотел распутничать, а толку в этом не знаешь!“»

Тем временем крестьянин достал из бочки **второго (2)**... и спросил: „Ты сбросил **его (1)**?.. А он **(1)** вернулся“. Ландскнехт сказал: „Да он **(1)** от дьявола!“ – „Посмотри, не стоит ли он **(1)** за дверью“. Когда ландскнехт **его (1, 2)** увидел, то произнес: „Чтоб **тебя (1, 2)**! Я же точно сбросил **тебя (1, 2)**...“

Тогда крестьянин выбежал ему [ландскнехту] навстречу и заговорил: „Как же так? **Священник (1, 3)** снова стоит за дверью!“ Ландскнехт сказал: „Неужели черт наслал на нас **священника (1)**? Я отнесу **его (1, 3)**...“

На обратном пути ему [ландскнехту] встретился **священник (4)** на коне... Когда ландскнехт **его (4)** увидел, он подумал, что это был **тот самый священник, которого он сбросил в реку (1)**. Он принялся ругаться: „Ах **ты (1, 4)**, злодей и мошенник! Неудивительно, что **ты (1, 4)** добираешься до крестьянского дома быстрее меня, ведь **ты (1, 4)** же скачешь верхом“.

В скобках цифрами отмечено обращение к 1-му, 2-му, 3-му или 4-му референту (священнику), две цифры через запятую указывают на ошибочную (с точки зрения ландскнехта) и верную идентификацию соответственно. В данном шванке разные референты имеют одно и то же именование – «der Pfaffe», на употреблении которого основан комический эффект.

Определенный артикль перед именем существительным и прономинализация без первичного обозначения референта посредством именной группы являются сигналами повторного обращения к референту. В приведенном примере при сходстве имени существительного «Pfaffe», но при разнице референтов, обозначаемых этим именем, а также при употреблении определенного артикля и местоимения «er» в реплике крестьянина, при восприятии ландскнехтом происходит неверная идентификация референта: новый объект действительности воспринимается как уже известный вследствие намеренного сокрытия говорящим признака неизвестного. Неправильная идентификация референта отражена в репликах ландскнехта также посредством определенного артикля и прономинализации.

2. Обращение коммуникантов к различным референтам при сходстве имен может носить **непреднамеренный характер**, и возникает вследствие неосведомленности одного из коммуникантов относительно ситуации общения, контекста, пресуппозиций других коммуникантов, то есть сообщенные говорящим характеристики объекта недостаточны для его идентификации адресатом. К. Браунмюллер называет данное явление неопределенной референцией («nicht-definites Referieren») [6, S. 91].

Указанный механизм формирования комического эффекта задействован в следующем примере:

(4) «*Der Dieb rumpelte über die Totenbeine herab und fragte mit leiser Stimme, da er meinte, sein Gesell wäre da und hätte den Hammel: „Ist er auch feist?“ Dem Pfaffen ward so Angst, dass er das Podagra vergaß und dahinlief, als wäre er unsinnig. Der Dieb hernach meinte, sein Gesell wolle den Hammel allein behalten, lief ihm nach und schrie: „Hab ich keinen Teil daran?“ – „Nein“, sagte der Pfaffe, „du böser Geist, dir soll kein Teil werden“*» [7, S. 147]. / «*Вор с грохотом скатился с мертвецких костей и спросил тихим голосом, подумав, что пришел его напарник и принес барана: „Он жирный?“ Священнику стало так страшно, что он забыл про подагру и побежал прочь, как сумасшедший. Вор подумал, что его товарищ хочет съесть барана в одиночку, побежал следом за ним, крича: „Разве ты не поделишь его со мной?“ – „Нет“, ответил священник, „тебе, дьявол, не достанется ни кусочка“*».

Местоимение «er» употребляется в отношении двух различных объектов действительности – барана и священника. Оба референта мужского рода (der Hammel, der Pfaffe) и удовлетворяют употребленному именованию. Однако отсутствие уточнения посредством имени существительного для правильной идентификации референта заставляет обратиться коммуникантов к пресуппозициям. То есть в данном случае значительную роль играют экстралингвистические факторы, а именно отсутствие у говорящего и адресата исчерпывающего знания о ситуации. Личное местоимение без уточняющей именной группы не предоставляет полной информации одному из собеседников, вследствие чего возникает коммуникативная неудача.

Поскольку характерной чертой жанра шванка является противопоставление персонажей, а описываемое действие ведет к победе одного и разоблачению другого, порождая смех [8, S. 138], неверная идентификация референта одним из коммуникантов способствует возникновению превосходства над ним другого персонажа и вызывает комический эффект в тексте.

Анализ референтов и референтной структуры шванка служит не только раскрытию механизмов формирования комизма произведения, но и способствует установлению тем, имеющих особое значение для бюргеров XV-XVI вв., выявлению специфичности репрезентации жанровых особенностей шванка как комического произведения на текстовом уровне и в итоге ведет к раскрытию своеобразия мировосприятия немецкоязычной общностью в эпоху Возрождения, что вносит вклад в составление европейской картины мира данного периода.

Список литературы

1. Артемьева Ю. В. Акты референции в телевизионном дискурсе: дисс. ... к. филол. н. Тверь, 2001. 133 с.
2. Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Логика и лингвистика (Проблемы референции). М.: Радуга, 1982. Вып. 13. С. 5-41.
3. Арутюнова Н. Д. Понятие пресуппозиции в лингвистике // Известия АН СССР. Серия лит. и языка. 1973. Т. 32. № 1. С. 84-89.
4. Городецкий Б. Ю. Компьютерная лингвистика: моделирование языкового общения // Новое в зарубежной лингвистике. Компьютерная лингвистика. М.: Прогресс, 1989. Вып. 24. С. 5-31.
5. Москальская О. И. Грамматика текста (пособие по грамматике немецкого языка для ин-тов и фак. иностр. яз.): учеб. пособие. М.: Высшая школа, 1981. 183 с.
6. Braunmüller K. Referenz und Pronominalisierung: zu den Deiktika und Proformen des Dt. Tübingen: Niemeyer, 1977. 212 S.
7. Das Volk, das lacht. Deutsche Schwänke des 15. und des 16. Jahrhunderts / Ausgewählt, in heutige Sprachform gebracht, eingeleitet und erläutert von G. Jäckel. Berlin: Rütten & Loening, 1966. 398 S.

8. Deufert W. Narr, Moral und Gesellschaft. Grundtendenzen im Prosaschwank des 16. Jahrhunderts. Bern – Frankfurt/M.: Lang, 1975. 158 S.
9. Thrane T. Referential-Semantic Analysis. Aspects of a Theory of Linguistic Reference. Cambridge: University Press, 1980. 256 p.
10. Vater H. Einführung in die Raum-Linguistik. 2. Aufl. Efferen: Gabel, Hurth, 1991. 107 S.

THE FORMATION OF COMIC EFFECT OWING TO CO-REFERENCE VIOLATION OF NOUNS IN GERMAN PROSE SCHWANK

Rokhlina Tat'yana Aleksandrovna
Moscow State Linguistic University
t_rokhlina@mail.ru

In the article the reference is presented as one of the main textual categories which allow interpreting a discourse including a comic one. The main propositions of the reference theory and standpoints of native and foreign researchers on the reference problems are given. Special attention is paid to the views on reference in Germanic studies. The importance of co-reference of nouns for the realization of effective communicative act is accentuated, and its violation is considered as a reason of communicative failure and comic effect formation in respect of German prose schwank as an example of a comic discourse.

Key words and phrases: grammar of text; textual categories; reference; co-reference of nouns; comic discourse; schwank.

УДК 82 -13(575.2)(043.3)

Филологические науки

Материал статьи основан на романах Ч. Айтматова, которые еще не полностью осмыслены в среде читателей. В них содержатся думы о судьбах всего человечества. Их анализ через призму хронотопа дает основание сформулировать главную идею творчества писателя: человек своими деяниями несет зло окружающей его природе. Люди должны помнить о том, что они не только представители какой-то определенной социально-этнической группы, что каждый Человек отвечает за себя и за всю Вселенную.

Ключевые слова и фразы: хронотоп как эмоционально-значимый момент; романное содержание; образ автора; взгляд писателя; общечеловеческие ценности.

Сабирова Венера Кубатовна, к. филол. н., доцент

Российский государственный социальный университет (филиал) в г. Ош Кыргызской Республики
sabirova_venera@mail.ru

ДИСКУРС ХРОНОТОПА В РОМАНИСТИКЕ ЧИНГИЗА АЙТМАТОВА[©]

В повседневной жизни часто используют термины «этнос», «народ», «родо-племенное образование». В большинстве случаев не дается широкое толкование значения этих слов, их зачастую путают, иногда эти понятия даже заменяют, считая их тождественными. Этнос (в узком смысле термина) означает исторически сложившиеся устойчивые группы людей, проживающих совместно издавна на определенной территории, имеющие общие особенности, и, вместе с тем, отличающиеся культурными особенностями: языком, национальным характером, ментальным самосознанием.

Племя, народность, нация – общности людей, которые образуются на различных этапах исторических форм развития. Понятие «народ» используется без достаточного понимания исторических причин его возникновения. Понятие «кыргызский народ» часто понимается в значении «племенной союз», чему немало способствует сохранившиеся и донныне родо-клановые отношения. На кыргызском языке слово «народ» («эл») употребляется в значении «род, племя» и «нация». Народы формируются в различные исторические эпохи, а каждый этнос возник в соответствии со своей спецификой.

Знание понятий «нация», «этнос», «народность» и «племя» замещается представлением, а представление субъективно. Поэтому в художественном произведении отношения этих категорий производны от мировоззрения и мировосприятия автора. Чингиз Айтматов – художник с мировым именем, которое составили ему повести «Джамиля», «Белый пароход», «Материнское поле», «Прощай, Гульсары» и «Пегий пес, бегущий краем моря», романы «И дольше века длится день», «Плаха», «Тавро Кассандры» и «Вечная невеста» [1]. В его произведениях встречаются вышеперечисленные понятия в значениях, которые им придаются в дискурсе художественной культуры. Можно заметить их определенную взаимозаменяемость и различие, особенно когда герои взяты из инонациональной среды. Но для Айтматова интересен человек в своей ипостаси, безотносительно к его этнической принадлежности.

В искусстве слова время и пространство как бы разрывают и соединяют взгляд наблюдателя, который всегда субъективен. В данном случае – это взгляд Ч. Айтматова на окружающий мир и его реакция на события в современном человеческом обществе. По отцу – кыргыз, по матери – татарин, по воспитанию – советский